

Список условных сокращений

РРР РЗ — ручные записи разговорной речи; РРР РМ — Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект. М., 1999; РРР СГУ — расшифровки магнитофонных записей разговорной речи из фондов кафедры русского языка Саратовского государственного университета.

Литература

Вендлер З. Иллокутивное самоубийство // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 238–250.
Гловинская М. Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Рус-

ский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1993. С. 158–218.

Кочкарова З. К. Акциональная структура диалогов с речевыми актами просьбы/уговаривания // Речевые акты в лингвистике и методике. Пятигорск, 1986. С. 108–119.

Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). М.: Наука, 1985. 272 с.

Федосюк М. Ю. Комплексные жанры разговорной речи: «утешение», «убеждение» и «уговоры» // Русская разговорная речь как явление городской культуры. Екатеринбург: Арго, 1996. С. 73–94.

Формановская Н. И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. М., 1998. 292 с.

УДК 81' 272:811161.1(470.47)

ББК Ш100.3(2Рос.Калм)+Ш141.2(2Рос.Калм)

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ КАЛМЫКОВ (на примере речевых жанров повседневной коммуникации)*

К. А. Джусихинова

Исследование проблем межкультурного и межнационального общения является одним из приоритетных направлений в современной лингвистике. Нельзя не признать, что произошло осознание необходимости переориентации подобных исследований с сопоставительного анализа языковых систем на изучение национально-культурной специфики реального функционирования языка в разных сферах и ситуациях через призму культурных ценностей, языкового сознания, сопряженного с национальным характером говорящего.

Практика показывает, что наличие в русской речи нерусских национального компонента является ее устойчивым признаком, проявляющимся с разной степенью активности и выявляемым на разных языковых уровнях: фонетическом, лексическом, грамматическом. Языковой аспект этой проблемы представлен в научной литера-

туре достаточно полно. Коммуникативный же подход на данном этапе активно разрабатывается в русле формирующейся сейчас отрасли языкознания — межкультурной коммуникации с учетом жанровой принадлежности языкового материала. Целью анализа является определение специфики национального компонента коммуникативного поведения «инокультурных» информантов, т. е. «принадлежащих к иной коммуникативной культуре» [Прохоров, Стернин 2011: 47].

Под коммуникативным поведением понимается «поведение (вербальное и сопровождающее его невербальное) личности или группы лиц в процессе общения, регулируемое нормами и традициями общения данного социума [Прохоров, Стернин 2011: 42].

Изучение коммуникативного поведения калмыков-билингвов как носителей,

* Работа выполнена в рамках внутривузовского гранта «Национально-культурная специфика речевого поведения».

пользователей русского языка представляет большой интерес хотя бы по причине объективного функционального его доминирования во всех сферах жизни национального региона [Есенова 2005].

Предложенная Ю. А. Прохоровым и И. А. Стерниным ситуативная модель описания коммуникативного поведения в вербальном аспекте предполагает анализ определенных коммуникативных ситуаций и коммуникативных сфер [Прохоров, Стернин 2011: 126–129]. Выделенные учеными некоторые стандартные коммуникативные ситуации (благодарность, знакомство, поздравление, комплимент, соболезнование), а также обозначенные коммуникативные сферы (общение с друзьями, со старшим поколением, со знакомыми /незнакомыми и т. д.), на наш взгляд, во многом соответствуют уже принятым в современном жанроведении номинациям речевых жанров (далее — РЖ) или предполагают функционирование определенных их типов (так, в указанных видах общения можно выделить разговор по душам, беседу, ссору и т. д.) [Антология речевых жанров 2007; Дементьев 2010].

Речевой жанр — понятие, на которое опирается антропоцентрическое языкознание, — признается в качестве одного из наиболее эффективных объясняющих механизмов при изучении ситуаций использования языка, процессов порождения и интерпретации речи, учитывающих такие параметры, как ситуация и сфера общения, стиль, интенциональный фактор, форма речи, а также стратегии и тактики ведения коммуникации. «Жанровое оформление коммуникативного поведения относят к основным постулатам коммуникативной лингвистики», — утверждает В. В. Дементьев [Дементьев 2010: 7]. Добавим, что специфика жанрового оформления во многом определяется национально-культурной составляющей коммуникативного (речевого) поведения языковой личности. Однако в современной лингвокультурологии «РЖ — явление скорее периферийное или малопредставительное» по той причине, что на уровне речи, в отличие от уровня языка, концептуализация значений и значимостей не достигает такой степени завершенности, представительности и убедительности [Дементьев 2010: 270].

Наша задача — выявить, как вербально выраженный национальный компонент участвует в реализации интенций некоторых

РЖ через выбранные информантами тактики и стратегии.

Объективно любой дискурс, имея интерактивную природу, по образному сравнению К. Ф. Седова, «напоминает многогранный кристалл, стороны которого способны отражать различные особенности этого взаимодействия: национально-этническую, социально-типическую (жанровую), речемыслительную, формально-структурную» и т. д. [Антология речевых жанров 2007: 11]. Каждая из граней может стать основанием для выделения особого аспекта рассмотрения дискурса языковой личности, что в сумме даст целостную характеристику изучаемого объекта. В рамках поставленной задачи представляет интерес пересечение двух аспектов: национально-культурного и жанрового.

Особо удобен в этом отношении разговорный дискурс. Устный по своей форме, это самый действенный и быстрый способ выражения мысли и обмена информацией; спонтанный и непосредственный, он вскрывает объективные механизмы речевого поведения языковой личности как представителя национально-этнической общности; ситуативный по своей природе, он предоставляет говорящему большую свободу в построении внутрижанровой интеракции.

Любой национальный язык отражает когнитивные структуры и вербализует концепты в свойственном только ему виде, выступая как совокупность знаний определенного этноса в разных своих функционально-стилевых разновидностях. Прежде всего это фразеологические концепты, занимающие особое место в концептосфере каждого национального языка: с одной стороны, как и всякий концепт, это единицы, содержащие опыт и миропонимание народа, когнитивную, творческую и мыслительную деятельность людей, уходящую в далекое прошлое, с другой, — в них наиболее ярко ощущается национальное своеобразие языковой объективации мировосприятия, ибо язык — «это богатство памяти, унаследованное личностью и племенем, бодрствующее сознание которого напоминает и предостерегает» [Ельмслев 1999: 131].

Фразеологизмы всегда привлекали особое внимание ученых-лингвистов по причине очевидности этнолингвистических компонентов [Куприянова 2011]. Долгое время в когнитивной лингвистике преобладали исследования контрастивного характера. Од-

нако в последнее время в теории концептов наблюдается интеграция функционального и когнитивного подходов. Удобной теоретической базой для подобных исследований является теория речевых жанров. «Без использования понятия речевого жанра когнитивная лингвистика не может выполнить свою главную задачу — осмысление языкового и коммуникативно-речевого сознания» [Дементьев, Фенина 2005: 9]. Ведь жанр, как и концепт, — «содержательно ориентированная единица», они важная часть «тех смыслов, которые включаются в концепт» [Дементьев, Фенина 2005: 9].

Рассмотрим жанр «семейной беседы» (субжанр «убеждение»), отмеченный присутствием прецедентных текстов. Это не случайно: именно семейное общение ориентировано на трансляцию «социальной информации, внутрисемейных устоев, национально-культурных традиций и идеала» [Антология речевых жанров 2007: 172].

Участники диалога: М. (мать) — пожилая калмычка, Д. (дочь) — 38 лет.

Д.: *Я не буду с ним жить // Ничего не делает / лежит на диване // Все равно ему // Меня это бесит / скандалы из-за этого...*

М.: *Подожди, давай поговорим //...А дети? //*

Д.: *Большие уже / подниму //*

М.: *Так нельзя, подумай / кто-то лучше? Вряд ли... На братьев посмотри отец твой был такой же... мы же терпели // ради вас... Подумай... // ты сама во многом виновата / Вот скандалы... //Разве можно кричать... // на / залу кү ('на мужчину') он же залу /твоя сестра кричала ногами топала вот... // и ногу сломала // Килни/ грех на... // мужчину кричать...*

Д.: *Ну ты даешь! Молчать что ли? //*

М.: *Послушай, залу кү / нурв будрад нурв ярсрм ('мужчина трижды спотыкается и трижды исправляется') // Ты жена терпи и жди // многие только после пятидесяти умнеют //*

Д.: *Пока он ярсрх, я состарюсь и... Как ты, буду ждать всю жизнь // Может, мне еще повезет //*

М.: *Подожди / думаешь, другой будет лучше? Уга ('нет') / хуучан хатхсн күүкн цецн ('девушка, чинящая старье, мудра'), пойми //*

Д.: *Ну ладно //Конечно, не самый плохой // (смеется) подожду когда ...ярсрх //*

Как видим, это статусно неравноправное общение (мать — дочь), подчиненное

определенным социальным нормам, достаточно строгим и обязательным. Если исходить из того, что «фреймы речевой фатики в значительной степени определяются традициями той или иной культуры и овладение ими — главным образом результат воспитания, следствие социального опыта говорящего», можно предположить, что мы имеем дело с социально-культурным стереотипом речевого поведения [Седов 2004: 77]. Тема беседы — конфликт в семье дочери. Диалог пронизан нравственным началом. Можно наблюдать, как мать, преследуя определенную коммуникативную цель — побудить дочь изменить свое решение, поведение — задает доброжелательную, социально-этическую тональность, приглашая к кооперативному общению (паузы, вызванные подбором слов, формы побуждения *'давай поговорим, подумай, послушай, пойми'*). Реализуется нарративная стратегия преимущественно фатического общения с установкой на кооперативную коммуникацию. В ситуации убеждения адресант приводит рациональные, иногда непрямые, аргументы (дети; все мужчины такие; посмотри на братьев, отца; сестру бог наказал; я терпела) и апеллирует к коллективному опыту, привлекая как эмоциональные аргументы прецедентные тексты (далее — ПТ) концептуализирующие культурно значимые сущности *Мужчина — Женщина* в аспекте их социального статуса. Концепт *залу* ('мужчина') в калмыцкой лингвокультуре имеет особую «высокую» коннотацию, включая ценностные компоненты «самостоятельность», «мужественность», «достоинство». В патриархальной калмыцкой семье мужчина — глава семьи, кормилец — был вне критики. Ему можно и должно многое прощать. Когда женщина выходила замуж, она как бы «умирала» для своего рода: в семье мужа ей давали новое имя, «возрождающая» для продолжения другого рода. Женщине полагалось беречь семью, проявляя терпение [Бичеев 2005: 184]. В своей образной основе фразеологизмы отражают традиции, этнический быт, которые являются сугубо специфичными. Приведенные ПТ — изначально поучительные жанры и содержат косвенную (имплицитную) этическую оценку обсуждаемой ситуации (сама виновата: не провоцируй, не унижай главу семьи, будь мудрой, терпеливой, храни и цени то, что имеешь). Адресант — рационально-эвристический тип

языковой личности, т. к. опирается на рассудочность, здравый смысл, и ПТ — не что иное, как косвенным образом выраженная негативная оценка поведения адресата.

При определении жанра приведенного диалога были некоторые сомнения: семейная беседа или разговор по душам (далее — РпД)? В русской речевой культуре «РпД — это разговор о душе» (изливать душу), «в нем личности говорящих и их отношения важнее, чем предмет речи», «очень мало ценится искусственность речи», она даже вредна, так как русские «„о главном“ говорят трудно и негладко» [Дементьев, Фенина 2005: 19–20]. «В принципе любые темы допустимы, фактически нет тематических табу, могут задаваться любые вопросы» [Дьякова, Стернин 2005: 273]. На вопрос, обращенный к студентам 3 курса Института калмыцкой филологии и востоковедения Калмыцкого государственного университета, способны ли они на подобное общение с родителями, после непродолжительного раздумья последовал однозначный отрицательный ответ. Мотивация: неловко, не принято, хотя в принципе такое общение возможно, но с близкими друзьями/подругами примерно одного возраста. Возможно, причины культурно и исторически обусловлены. В калмыцкой семье авторитет родителей, старших по статусу родственников был непререкаем. Присутствовала определенная дистанция в общении старших с молодежью. Детей воспитывали исключительно на своем примере. Как бы тяжело ни было, жаловаться, изливать душу было не принято. К примеру, на традиционное приветствие «ямаран бээнэт?» («как живете?») калмыки неизменно отвечали «му биш», «гем уга» («неплохо, хорошо») и т. п. [Жуковская 2002: 140]. Приведенные ответы своего рода «коммуникативные речевые императивы — фразы, выражения, которые необходимо произносить в определенных ситуациях» [Прохоров, Стернин 2011: 46]. О доминировании «этикета уважения» в калмыцкой семье пишет И. А. Житецкий: «Подобным требованиям обычая следуют и все члены семьи, наблюдая во всем старшинство» [Житецкий 1893: 34]. Видимо, дидактический характер статусно неравноправного общения (родители — дети) является традиционно естественным, а ПТ можно отнести к элементам «ритуализованного дискурса», явлениям речемыслительного

стандарта [Караулов 2000: 192]. Конечно, в современной парадигме отношений моральные ценности личности претерпевают изменения. Но, смеем утверждать, исходя из личного опыта и наблюдений, что в общении молодежи со старшими в калмыцкой среде остается некоторая «закрытость», запрет на определенные темы. Отнесем это к проявлению коммуникативного тематического табу, скорее «жесткого», описываемого предикатом «нельзя».

В другом фрагменте семейной беседы выделим субжанр убеждения/уговора, основанный на фольклорном жанре заговора. Этот жанр бытует в устной традиции разных народов не одно столетие и за это время приобрел каноническую текстовую форму, ритмически организованную, которую человек считал магическим средством для достижения различных практических целей.

Отец — 45 лет; дочь — 4 года:

О.: Доча / почему не спишь? //

Д.: Пить хочу / сильно //

О.: А знаешь, подожди // Мышка в золотой чашке принесет тебе / воды//...

Д.: А когда? //

О.: Во сне /жди // Принесет обязательно // ...Закрывай глазки / и спи...

Образ мышки с золотой посудой, наполненной водой, — это отголоски ритуального заговора от бессонницы. Как правило, его произносила мать ребенку, который не засыпал. Т. Г. Борджанова отмечает, что этот заговор существовал в двух вариантах, один из которых звучал так:

‘Спи, усни, мой дорогой,

Тебе мышка

В золотом ведре,

Издающем звуки „жингр-жингр“,

Воду принесет’.

«Заговорной формулой являются слова, произносимые матерью: „Унт, унт! — Спи, спи!“». Мать отсылает своего ребенка на встречу с животным, исполняющим желания и просьбы, берущим под свою защиту и дарующим желаемое — воду для утоления жажды. В тексте заговора сделан акцент на виде посуды — это золотое ведро, издающее необыкновенные звуки... это — предмет золотого цвета, который является признаком волшебства, рассеивающий темноту сна...» [Борджанова 2007: 31–32].

Считается, что заговор обладает неким суггестивным потенциалом, «необъяснимой властью над человеческим сознанием» [Борисова, Корх 2007: 332]. В разговорном

дискурсе калмыков в отмеченном жанре этот ритуализованный фрагмент воспроизводится довольно регулярно.

Так, в своих воспоминаниях калмыцкая поэтесса Р. Ханинова приводит следующий эпизод: «В детстве, когда я иногда не хотела ночью засыпать, потому что вдруг хотелось пить, помню, как мама уговаривала меня заснуть.

— Спи, тебе мышка во сне воду принесет... Быстрее заснешь — быстрее напьешься. Спи...

Эта формула действовала безотказно».

Использовали этот заговор и мастера художественного слова [Хонинов 1977: 277–278].

В других воспоминаниях отражена похожая ситуация: «Как сейчас помню: глубокая ночь, мне хочется пить... Чтобы успокоить меня, папа придумывает сказку о мышке. „Ты жди тихонько, и мышка в золотой чашке принесет тебе воду“, — шепчет он. И я жду-жду (так хочется испить воды из золотой чашки) и засыпаю» [Анджа Тачиев в воспоминаниях 1998: 18].

Молодые калмыки, как правило, не знают о «заговорной» природе этого эпизода, а воспроизводят потому, что слышали неоднократно от старших и помнят о производимом им эффекте (быстрое засыпание). Видимо, в ходе формирования дискурса на стадии возникновения коммуникативного намерения происходит настрой на ту или иную социально-коммуникативную ситуацию, модальность общения. Семейная беседа ориентирована на интимные темы, на процесс становления личности, ее обучения. Отсюда и тональность «взаимоприятия, дружелюбия, эмоциональности, наставничества» [Антология речевых жанров 2007: 170].

Данный фрагмент семейной беседы демонстрирует указанные параметры этого речевого жанра, усиленные национально-культурным образным компонентом, играющим в ситуации убеждения/уговора роль эмоционального (образного) аргумента. Это своего рода обращение к коллективному, культурно значимому опыту. Приведенный «заговорный» дискурс в незначительных модификациях регулярен и воспроизводим в статусно неравноправном общении калмыков и направлен на реализацию нарративной стратегии преимущественно фатического общения с установкой на кооперативную коммуникацию.

Основная коммуникативная цель жанра «осуждение» — негативная оценка какого-то лица, факта, события.

Информант — женщина, образование высшее, 49 лет:

Когда мы жили в Ставрополе / дверь не закрывалась // Все кто учился там приходили // Мама всех кормила / обстирывала и его в том числе. А сейчас хоть бы снял трубку позвонил // здоровьем поинтересовался // Вот уж точно «мал асрхла — амн тоста, ку асрхла — толха цуста» ('когда воспитываешь скотину — рот в масле, когда воспитываешь человека — голова в крови') //

В данной конситуации концептуализируется сущность поведения неблагодарного человека: он хуже скотины, от которой кочевник-калмык имеет только пользу. ПТ — эмоциональный аргумент в поддержку коммуникативной цели высказывания.

В этикетном жанре «поздравление» (близком к калмыцкому благопожеланию) калмыки очень часто используют устойчивое сочетание «цаһан хаалһ» ('белая дорога'). Этот жанр — реакция на событие, коммуникативная цель которого — усиление положительного эмоционального состояния адресата. Например: «...Вика /и наконец как у нас говорят /, **цаһан хаалһ** / белой тебе дороги во всем //». Здесь концептуализируется сущность понятия «благополучие» с устремленностью в будущее. В калмыцкой культуре белый цвет — сакральный, обозначает нечто чистое, священное [Олядыкова 2006]. Дорога олицетворяет будущее, в целом чистое, светлое, без препятствий.

Как проявление речевой агрессии в соответствующих речевых жанрах (угроза, ссора, колкость) работает обценная, инвективная лексика: *Молчал бы уж, сам весь баасн дотр* ('в дерьме') сидит...; *Бичэ хуцада* ('не гавкай') и т. п. Наблюдается и метафорический перенос названий животных типа *һаха* ('свинья'), *ноха* ('собака'), *мал* ('скотина') и т. п., имеющих оскорбительный характер. В фатическом инвективном общении это средство унижения оппонента, выражение презрения к нему. В типических ситуациях бытовых социально-психологических конфликтов задача одна — ухудшение эмоционально-психологического состояния собеседника. В основе подобной интеракции — концепт «агрессия», репрезентацией которого является речевая агрессия в самых разных ее формах и тактиках.

Прямая речевая агрессия — результат открытой враждебности (субжанры оскорбления, угрозы, злопожелания):

1) *Ты просто свинья / мал / махлата мал* ('скотина, тупица')...

2) *Аман ха / дождедешся щас* ('закрой рот/заткнись')...

3) *Да чтоб ты сдох! / Тохм таср!* ('да прервется род').

Непрямая речевая агрессия требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата, «будучи не сводимой к простому узнаванию (идентификации) знака». Это субжанры «колкость», «насмешка», «иллокутивная сила которых зависит от игры пресуппозициями» [Антология речевых жанров 2007: 262].

Например, пресуппозиция: женщина средних лет застает подругу в слезах от обиды на мужа, которого обычно называет *сээхн иньгм минн* ('родной мой') и всегда оправдывает:

— *Ну что / сээхн иньгм чинн* ('родной твой')... да? Довел-таки... Чего и следовало ожидать....

Описанная область отрицательной фактики, также имеет этнокультурологическую специфику. Она, как правило, проявляется в статусно равноправном взаимодействии: с другом/подругой, братом/сестрой и т. п., но не со старшими по возрасту и статусу.

Старшие и средние по возрасту коммуниканты более сдержанны в оценках и стараются уже на начальных этапах ссоры применить тактику прерывания коммуникативного контакта, особенно мужчины. У женщин преобладает тактика семантического молчания, передающая упрек или обиду. Данному типу коммуникантов в конфликтных ситуациях характерна рационально-эвристическая стратегия, опирающаяся на здравомыслие, поддержанное в свою очередь традиционным калмыцким семейным этикетом.

В конфликтном статусно равноправном общении молодежи превалирует инвективная стратегия. Статусно неравноправный конфликт (старший — младший) обычно характеризуется пассивной формой проявления агрессии со стороны младшего: прекращение контакта или демонстрация нежелания в него вступить; молчание, манифестирующее позицию — «оставьте меня в покое».

Таким образом, в жанровом пространстве повседневной коммуникации билингва национальный компонент активно взаимо-

действует с коммуникативной целью жанра, эксплицирует основные его мотивы, усиливает положительную или негативную иллокуцию (например, желание изменить поведение адресата, побудить к определенным действиям, выразить объективную оценку ситуации, усилить положительные эмоции или дать выход отрицательным и т. п.), высвечивая его прагматические характеристики, создавая определенный колорит дискурса билингва.

Литература

- Анджа Тачиев в воспоминаниях современников. Элиста: АПП «Джангар», 1998. 168 с.
- Антология речевых жанров / под общ. ред. К. Ф. Седова. М.: Лабиринт, 2007. 319 с.
- Белоусов В. Н., Григорян Э. А., Позднякова Т. Ю. Русский язык в межнациональном общении. Проблемы исследования и функционирования. М., 2001. 240 с.
- Бичеев Б. А. Свадебный обряд как отражение представлений о смерти // VI конгресс этнографов и антропологов России: Тезисы докладов. СПб.: МАЭ РАН, 2005. 532 с. С. 184.
- Борджанова Т. Г. Обрядовая поэзия калмыков: система жанров, поэтика. Элиста: 2007. 592 с.
- Борисова И. Н., Корх С. С. Прагматический потенциал жанра заговора: цветовой код // Жанры речи. Саратов: Издат. центр «Наука», 2007. С. 332–345.
- Горелов И. Н., Седов К. Ф. Основы психолингвистики. М.: Лабиринт, 2004. 316 с.
- Дементьев В. В., Фенина В. В. Когнитивная генеристика: внутрикультурные речевые ценности // Жанры речи-4: Сб. науч. ст. Саратов: Изд-во ГОС УНЦ «Колледж», 2005. 437 с. С. 5–34.
- Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010. 594 с.
- Дьякова Л. Н., Стернин И. А. Жанр разговора по душам и русская авторская песня // Жанры речи-4: Сб. науч. ст. Саратов: Изд-во ГОС УНЦ «Колледж», 2005. 437 с. С. 273–292.
- Есенова Т. С. Русский язык в межкультурном общении. Элиста: АПП «Джангар», 2005. 366 с.
- Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Зарубежная лингвистика в 3 т. М.: Прогресс, 1999, Т. 1. С. 131–256.
- Житецкий И. А. Очерки быта астраханских калмыков. Этнографические наблюдения 1884–1886 гг. М.: Тип. М. Г. Волчанинова, 1893. 75 с.

- Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 262 с.
- Караулов Ю. Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира. М., 2000. С. 191–206.
- Куприянова С. К. Калмыцкие паремии о речевом поведении в свете современной лингвопрагматики // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011. № 2. С. 128–132.
- Олядыкова Л. Б. Сакральный белый цвет в монгольских и русском языках // Научная мысль Кавказа: спецвыпуск. 2006. № 5. С. 118–124.
- Прохоров Ю. Е., Стернин И. А. Русские: коммуникативное поведение. М.: Наука: Флинта, 2011. 326 с.
- Речевое общение в условиях языковой неоднородности / под ред. Л. П. Крысина М.: Эдиториал УРСС, 2000. 221 с.
- Хонинов М. В. Помнишь, земля смоленская. М.: Воениздат, 1977. 318 с.

УДК: 811.512.37 366

ББК: Ш164.3-2

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ СЛОВА *АНДЪАР* И ЖАНРА *АНДЪАРИЙИН БИЧИГ* «ПРИСЯЖНОЕ ПИСЬМО» В КАЛМЫЦКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ XVIII В.

А. Т. Хараева

В калмыцком литературном языке XVIII–XX вв. часто встречается слово *андъар*. В «Калмыцко-русском словаре» семантика этого слова раскрывается следующим образом: *андъар* ‘клятва; присяга; обет’; *андъаран өгх* ‘давать клятву, присягать’; *кенэс болв чигн андъар авх* ‘взять клятву с кого-либо’; *өгсн андъаран эвдх* ‘нарушать клятву (присягу)’. В конце словарной статьи приводится фраза из эпоса «Джангар»: *зун жилин андъаринь авад, зуръан жилин буруъан эрдэ, оржэ өгв* ‘он сдался в плен, прося прощение за проступки, совершенные за шесть лет, и поклявшись в верности на сто лет вперед’ [КРС 1977: 43].

Действительно, слово *андъар* в таком значении часто встречается в эпосе «Джангар». Клятвы (*андъар*), произносимые героями эпоса «Джангар», разнообразны по структуре, содержанию, форме и функции, что позволяет говорить о них как распространенном явлении.

Существуют разные типы клятв. Рассмотрим некоторые из них.

Первый тип: клятва дается одним человеком. Пример: – *Чамаг сарва баъ цагтчин сай өркэр сэн болх гижэ юунь төлэ авлав? Маңдур өрүн нарн мандлхин цагт Теңгрин Төгэ Бүсиг алтн тагтин амнас давулл уга күц!* — *гив. Давулад оркдг юмн болхлачн дөш*

болгсн сээрэрчн кеңкргин бурас кенэв, күдр хар хавсарчн докъя цокур кенэв. Дөрвн хар саврарчн цөгц кенэв — гижэ, күдр балтан авад долажэ андъарлжэ йовнал [Джангар 1960: 176]¹. ‘Для чего я купил, когда ты был еще двухлеткой, заплатив за тебя цену в миллион юрт (семей), как не в надежде, что выйдет из тебя добрый конь? Завтра, к моменту восхода солнца, настигни Небесного Тёгя Бюса прежде, чем он переправится через золотой мост. Если ты [скакун] не настигнешь его, то **клянусь**: на барабан натяну я твою шкуру на крупе-наковальне; из крепких твоих ребер сделаю барабанные палочки; чаши сделаю из твоих четырех копыт. Произнеся клятву, [богатырь тяжелорукий Савр] взял тяжелый бердыш и лизнул [его]’.

Второй тип — это такая клятва, в которой участвуют на равных правах два и более человек. Пример: *Эн йовхдан ах дү эс билүвдн, эск сүмсндэн джодвин цаасн болиг гижэ андъар авлцгсн эс билүвдн* [Джангар 1960: 100]. ‘Разве не были мы с тобой братьями, не **поклались** ли мы стать в грядущем листами бумаги молитвенной книги в джодбо’.

Третий тип — клятва, которую берут с побежденных людей. Пример: *өмн бийдэн хэлэн гихнэ, алдр нойн богднэ, шар алтн*

¹ В цитатах используется современная графика калмыцкого языка — *авт.*